

16. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996.

17. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / [авт.-сост.: И. С. Брилева и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. [4-е изд.]. М. : Аст-пресс, 2009.

18. Китайско-русский фразеологический словарь / О. М. Готлиб, Му Ху-аин ; Иркут. гос. лингвист. ун-т. Изд. 2-е. М. : ИГУ, 2019.

19. 成语大词典 [电子资源] ‘Большой словарь чэньюй’ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.esk365.com/chengyu/> (дата обращения: 10.10.2021).

ЛИЧНОЕ ИМЯ И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

*И. Э. Ратникова*¹⁾, *Хоанг Тхи Бен*²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ratnikova@list.ru;*

²⁾ *Институт внешней торговли,
91 Чуаланг, Донгда, 11500, Ханой, Вьетнам, hoangben2010@ftu.edu.vn*

В статье рассматривается мотивационный уровень антропонимической языковой личности, который реализуется в процессах наречения и восприятия имен. Материал исследования получен методами интервью и анкетирования белорусских (русскоязычных) и вьетнамских респондентов. Выявлены сходные принципы и мотивы личного именования в русской и вьетнамской лингвокультурах. Показана национальная специфика антропонимической языковой личности.

Ключевые слова: языковая личность; мотивационный уровень; принципы и мотивы имянаречения; ономастическое сознание.

1. Антропонимический аспект языковой личности. Изучение феномена «языковая личность» на протяжении почти ста лет, со времен Й. Вайсбергера и В. В. Виноградова, отразилось в широком спектре определений этого ключевого понятия лингвокультурологии и многоаспектной типологии самого феномена. Работы в области русистики демонстрируют устойчивый авторитет точки зрения Ю. Н. Караулова, способствовавшего введению термина в широкий научный обиход в СССР и определившего языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [1].

Одним из видов создаваемых и воспринимаемых текстов являются имена, которые даются в ходе как естественной, так и искусственной номинации. На этом основании оказалось возможным предложить понятие **антропонимической** языковой личности, т. е. языковой личности в качестве имядателя, носителя и интерпретатора имени. С. И. Гарагуля рассматривает имя как прагматический элемент коммуникации, используя при этом в качестве ключевых две категории: а) антропонимическая языковая личность; б) имя как свернутый лингвокультурный текст. Одним из основных прагматически обусловленных параметров языковой личности он считает «антропонимическую идентичность» – «психологическое соотнесение индивида со своим именем», восприятие имени и его носителя представителями лингвокультуры, определение индивидом своего места в лингвосоциокультурном пространстве [2]. По С. И. Гарагуле, антропонимическая языковая личность проявляет себя в формировании совокупности всех именовании индивида, а также через выбор/использование той или иной формы имени для реализации определенных моделей речевой деятельности¹.

Ю. Н. Караулов, как известно, предложил модель языковой личности в виде трёхуровневой структуры, состоящей из 1) вербально-семантического, или структурно-системного, уровня (лексикон человека); 2) лингво-когнитивного, включающего тезаурус личности (система знаний о мире); 3) мотивационного, отражающего систему целей, мотивов и прагматических установок личности в процессе речевой деятельности (см.: [3]). В применении к такому специфическому пласту языка, как имена собственные («мифологический слой в современном языке» по Ю. М. Лотману и Б. А. Успенскому; «внеязыковая категория», «пережиток прошлых культур» по В. В. Налимову), эта модель может быть представлена так: первый уровень антропонимической языковой личности – знание антропонимикона как части лексики; второй уровень – знания о мире, связанные с именами; третий уровень – мотивы и установки, реализующиеся в имянаречении и рефлексии на имя. Второй и третий уровни определяются внеязыковыми факторами, которые обобщенно можно определить как социально-психологический, политико-идеологический/религиозный и социокультурный.

¹ Мы считаем такой термин необходимым для совершенствования понятийного аппарата теоретической ономастики, несмотря на его обособленность по отношению к существующей парадигме типологий языковой личности.

2. Мотивационный уровень антропонимической языковой личности (АЯЛ). Мотивационный уровень АЯЛ отражает цели, мотивы и прагматические установки личности в процессе имянаращения.

При анализе этого процесса важно различать принципы, мотивы (внешние и собственно языковые), способы и средства номинации. Принцип ономастической номинации – результат максимального обобщения мотивировочных признаков и закрепления их в национальной традиции, это правило для носителей лингвокультуры, заложенное в их языковом сознании. Внешний мотив номинации – ответ на вопрос «почему»; мотив внутриязыковой, или способ номинации, – это прием осуществления, реализации принципа номинации, представленного мотивировочным признаком. Средствами номинации являются языковые единицы¹. Обобщая случаи упоминания различных принципов имянаращения в синхронии и диахронии, можно предложить следующий перечень: принцип традиционности (семейные имена, имена в честь старших родственников и предков); дезидеративный (внутренняя форма имени кодирует пожелание: *Виктор, Надежда*); апотропеический (исторически обусловленный высокой детской смертностью и нацеленный на обман враждебных человеку сил: *Подкид, Неждан, Нелюба, Некрас*)², метонимический (именования «в честь» авторитетной личности призваны с переносом имени перенести на именуемого качества эпонима; символизируют или программируют связь с личностью эпонима); сословно-классовый (например, дифференциация именника на дворянский и крестьянский); характеризующий (др.-рус. прозвищные имена *Мал, Кудряш, Черныш, Молчан, Боян; Первый, Друган, Третьяк*); ритуальный (церковно-календарный и политико-идеологический); эстетический (ориентация на «красоту» имени). Большая часть этих принципов актуальна сегодня³.

Ономастическое сознание языковой личности включает осознаваемый и неосознаваемый компоненты: первый предполагает осмысленную оценку имени, анализ факторов выбора имени; второй – неотрефлексированные фоносимволические ассоциации. И граница между

¹ В ономастической литературе используется также термин «стратегия имянаращения», призванный подчеркнуть коммуникативную природу акта индивидуальной номинации.

² И дезидеративные, и апотропеические имена, по Н. И. Толстому и С. М. Толстой, сочетают в себе «положительную магию» («призывание» свойств соответствующих животных) и «отрицательную магию» (обман опасности через причисление ребенка к дикой природе) [4].

³ О принципах имянаращения, относящихся к типологическим сходствам в ономастике, см. [5].

первым и вторым очевидна только в теории. В социолингвистических исследованиях сознания имядателя и носителя имени методами анкетирования и интервью есть проблема, связанная с тем, что декларируемый мотив наречения неверифицируем (например, имядатель спонтанно выбирает антропоним, неосознанно поддаваясь «давлению» системы, т. е. традициям, моде, социокультурным идеалам, а потом придумывает объяснение). Однако эта субъективность индивидуальных рефлексивов не мешает выявлять общие закономерности и массовые тенденции имянаречения.

Исследователи процессов личного именованья называют различное количество мотивов, которые актуализируются при имянаречении в качестве самостоятельных и в комплексе. Основываясь на анализе публикаций, отметим, что региональный и временной (в пределах двух-трех десятилетий как минимум) факторы влияют на конкретный перечень имен и их частотность, на количественные ранги мотивов, но список мотивов номинации, хоть и формулируемый по-разному, – практически константная величина. Например, Л. Н. Подвигина распределила ответы молодых жителей Кемеровской области по девяти позициям, соответствующим таким побудительным причинам выбора, как семейные связи и традиции; мода; прецедентность (известность первоносителя); фонетическая привлекательность; сочетание с другими компонентами именованья; ситуация, связанная с рождением и др. [6, с. 320–321]. М. В. Голомидова представила данные, полученные от екатеринбургских информантов, более обобщенно, выделив пять актуальных (и устойчивых на протяжении десятилетий) стереотипов: в честь старших родственников; в честь человека, сыгравшего значительную роль в судьбе кого-либо из членов семьи; в честь известного или популярного человека; в силу личного вкусового предпочтения или личной положительной оценки звуковой оболочки имени; в силу оригинальности имени [7, с. 13]. Очевидно, что позиция интерпретатора данных играет при аранжировке этого списка не менее важную роль, чем реакция информаторов.

3. Ономастическое сознание русскоязычной языковой личности. Способы реконструкции ономастического сознания АЯЛ как носителя имени – это поиск ответов на вопросы о восприятии имени: нравится/не нравится, почему, известна ли носителю этимология его имени и мотивы его наречения (в данной публикации этот аспект не затрагивается). Чтобы описать АЯЛ нарекающего, необходимо выявить и систематизировать актуальные для данного периода мотивы и конкретные поводы имянаречения. На основе анкетирования 2070 мо-

лодых белорусов 1984–1993 гг. рождения при помощи социальных сетей¹ было получено 15 типичных ответов о причинах выбора имени их родителями (приводим в порядке убывания частотности): 1) этимологическое значение имени (517 человек, 24,9 %): *Бабушка была верующая и назвала меня Елизаветой, т. к. это означает «почитающая Бога»²*; 2) оценка звуковой оболочки имени (428 человек, 20,6 %): *Меня назвали Захаром потому, что мои родители – большие поклонники французской культуры. В произношении имени, как показалось родителям, есть что-то французское*; 3) сочетаемость с другими компонентами имени (265 человек, 12,8 %): *Мое имя (Виктория) созвучно с отчеством (Дмитриевна)*; 4) популярность имени (264 человека, 12,7 %): *Назвали меня Анастасией, так как это имя всегда в моде*; 5) в честь родственника/знакомого или человека, сыгравшего значительную роль в семье (201 человек, 9,7 %): *Назвали меня Алексеем в честь папиного друга, который, по стечению обстоятельств, принял роды у моей мамы*; 6) оригинальность и необычность имени (82 человека, 3,9 %): *Меня зовут Альбин. Родители говорят, что имя необычное, поэтому и я, возможно, буду иметь необычную судьбу*; 7) соответствие церковному календарю (67 человек, 3,2 %): *Меня назвали Варварой, так как это имя соответствовало церковному календарю*; 8) совет родственников или друзей (24 человека, 1,1 %): *Мои родители не могли придумать имя. Они решили вспомнить какой-то старинный обычай называния ребенка, когда случайный прохожий назовет первое пришедшее в голову имя. Вот так я и оказалась Лидией*. Удельный вес остальных 6 оснований составляет менее 1 %: личные качества носителей данного имени (18 человек, 0,8 %); в честь популярной личности (9 человек, 0,4 %); созвучие с именем другого ребенка в семье (7 человек, 0,3 %); национальные коннотации имени (5 человек, 0,2 %); ситуация, связанная с рождением ребенка (2 человека, 0,09 %); в честь персонажа художественного произведения (2 человека, 0,09 %); семейная традиция (2 человека, 0,09 %). Сравнительно небольшое количество респондентов не осведомлены о причинах, по которым было выбрано их имя (178 человек, 8,5 % от общего количества опрошенных).

¹ Анкетирование и первичную обработку данных проводили участники специального семинара «Имя собственное в языке, науке, культуре» в 2017–2018 гг.

² Знание этимологии имени (которое продемонстрировали 82 % респондентов) существенно для характеристики ономастического сознания АЯЛ как имядателя, поскольку отражает мировоззрение, культуру и уровень образования. Часто сочетается с представлениями о связи имени и судьбы человека.

4. Ономастическое сознание вьетнамской языковой личности.

В первую очередь нужно отметить, что мотив «в честь старших родственников», который в Беларуси и России, по данным разных исследований, относится к наиболее активным, для вьетнамской лингвокультуры является неприемлемым. Это связано с особым пиететом в отношении к родителям, бабушкам, дедушкам и т. д., которое определяет мотивационный уровень вьетнамской АЯЛ. В основе вьетнамской духовной культуры лежит культ предков, в каждом вьетнамском доме есть алтарь для поминовения усопших родных. Но давать детям имена старших родственников (или даже напоминающие их имена) – нарушение этикета, это расценивается как неуважение. Такое табу объясняется, в частности, тем, что во Вьетнаме обращение к собеседнику регламентировано иерархическим принципом. Обращение к старшим должно включать номенклатурный компонент, указывающий на их статус; в то же время к детям можно обращаться по имени – вследствие этого имя предка могло бы оказаться пониженным в ранге.

АЯЛ носителей вьетнамской лингвокультуры проявляется в первую очередь в опоре на такие принципы номинации, как дезидеративный и эстетический, причем при выборе имени равно важны его семантические и фонетические характеристики¹. Например, часто среднее имя подбирают вместе с личным так, чтобы они образовывали семантически благоприятное сочетание и одновременно фонетически гармоничную композицию [9]: *Kim Yén* ‘золотая ласточка’, *Minh Ngọc* ‘светлая жемчужина’, *Mỹ Tâm* ‘красивая душа’, *Nhật Ánh* ‘солнечный свет’, *Thu Thủy* ‘осенняя вода’, *Thu Cúc* ‘осенняя хризантема’. Часто среднее и личное имя в комплексе выражают одно понятие: *Hồng Ngọc* ‘рубин’, *Thành Đạt* ‘успешный’, *Hòa Bình* ‘мир’, *Hạnh Phúc* ‘счастье’, *Minh Anh* ‘мудрый’.

Мотивационный уровень вьетнамской АЯЛ, сформированный национальной психологией, отражает в процессе имянаречения чаяния родителей, интенцию повлиять на жизнь и качества ребенка, установку на семейные и национальные традиции. Благозвучность – один из важных критериев при выборе имени, но только трое из наших респондентов в качестве основного или единственного мотива наречения девочек назвали благозвучность. В качестве мотива имянаречения может также выступать время рождения ребенка (год или сезон): *Tí* (год

¹ Специфика современной вьетнамской антропонимической системы в сопоставлении с русской подробно рассмотрена нами в [8].

Мыши), *Sửu* (год Буйвола), *Dân* (год Тигра), *Mão* (год Кошки), *Xuân* ‘весна’, *Hạ* ‘лето’, *Thu* ‘осень’, *Đông* ‘зима’ (примеры приводятся по [10]).

Современные вьетнамские имена, как и древние, чаще всего кодируют во внутренней форме положительные характеристики человека. Ср., например, выбор наших респондентов, обусловленный этим ведущим мотивом: *Việt Dũng* ‘мужественный’, *Hoàng Minh* ‘умный’, *Hải Đăng* ‘маяк’ (буквально ‘морской фонарь’, что метафорически означает ‘умный’), *Chí Kiên* ‘устремлённый’, *Hữu Đạt* ‘успешный’.

Пожелания детям мужского пола содержатся в именах, связанных а) с крепкими, мощными деревьями (*Lâm* ‘лес’); б) объектами и явлениями природы (*Sơn* ‘гора’, *Phong* ‘ветер’); в) моральными качествами и понятиями, ассоциированными с маскулинностью (*Đức* ‘добродетель’, *Mạnh* ‘сильный’, *Dũng* ‘смелый’, *Vinh* ‘слава’ *Thắng* ‘победа’, *Vương* ‘правитель’).

Женские имена семантически могут быть связаны с названиями а) цветов: *Liên* ‘лотос’, *Hoa* ‘цветок’, *Cúc* ‘хризантема’, *Huệ* ‘лилия’, *Lan* ‘орхидея’, *Anh Đào* ‘сакура’, *Hướng Dương* ‘подсолнечник’, *Tường Vu* ‘шиповник многоцветковый’, *Hồng* ‘роза’; б) птиц и насекомых: *Yến* ‘ласточка’, *Họa Mi* ‘соловей’, *Phượng* ‘феникс’, *Khuyên* ‘белоглазковые’, *Điệp* ‘красивая бабочка’; в) драгоценностей: *Ngọc* ‘жемчужина’, ‘драгоценный камень’, *Ngọc Bích* ‘изумруд’, *Kim Cương* ‘алмаз’, *Hồng Ngọc* ‘розовая жемчужина’, *Cẩm Thạch* ‘мрамор’; г) традиционных женских добродетелей: *Hiền* ‘нежность’, *Hương* ‘аромат’, *Công* ‘умелая, работящая’, *Dung* ‘красивая’, *Hạnh* ‘благонравная’, *Ngôn* ‘вежливая’ и т. д.

Индиферентные в отношении гендера имена также кодируют благопожелания (*Tâm* ‘сердце’, *Minh* ‘ясный’, ‘светлый’).

5. Выводы. Итак, мотивационный уровень АЯЛ, т. е. цели, мотивы и прагматические установки личности в процессе имянаречения, обнаруживает в современных русскоязычной и вьетнамской лингвокультурах больше национально-специфических различий, чем типологических сходств. Это объясняется, во-первых, разным уровнем стабильности именика (его закрытым характером в западных лингвокультурах и открытым в восточных), определяющим границы свободы выбора. Во-вторых, семейные связи как фактор имянаречения в сравниваемых лингвокультурах воздействовали на национальные АЯЛ противоположным образом: метонимическая номинация – дань уважения / проявление неуважения. Наконец, на мотивационный уровень вьетнамской АЯЛ практически не повлияли религиозный и политико-

идеологический факторы, существенные для русскоязычной лингвокультуры.

Библиографические ссылки

1. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М. : Наука, 1989. С. 3–8.
2. Гарагуля С. И. Антропонимическая прагматика и идентичность индивида: опыт системного описания личных имен в США: дис. ... доктора филол. наук : 10.02.04. М., 2009.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М. : Изд-во ЛКИ, 2010.
4. Толстой Н. И., Толстая С. М. Имя в контексте народной культуры // Язык о языке: сб. ст. / под общ. ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2000. С. 597–624.
5. Ратникова И. Э. Антропонимия русского и китайского языков: типологические сходства в ономастиологии собственных имен // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. 2014. № 2. С. 41–46.
6. Подвигина Л. Н. Некоторые наблюдения над мотивами выбора имени жителями г. Прокопьевска Кемеровской области // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. Екатеринбург, 2005. С. 66–69.
7. Голомидова М. В. Русская антропонимическая система на рубеже веков // Вопросы ономастики. Екатеринбург, 2005. № 2. С. 11–22.
8. Ратникова И. Э., Хоанг Тхи Бен. Лингвокультурные и коммуникативные различия русских и вьетнамских антропонимов // Русский язык и литература. № 6 (249). 2020. С. 31–38.
9. Lê Trung Hoa. Họ và tên người Việt Nam. Nxb Khoa học xã hội, 2005. (Ле Чунг Хоа. Фамилии и имена вьетнамцев. Изд-во Гуманитарная наука, 2005.)
10. Ngọc Hà. Nghệ thuật đặt tên cho con. Nhà xuất bản Bách khoa Hà Nội, 2013. (Нгок Ха. Искусство давать имя ребенку. Изд-во Бакхоа, Ханой, 2013.)

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОМОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В СЛОВАРЯХ РАЗНЫХ ТИПОВ

В. Б. Скроблевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lera2304@gmail.com*

В докладе представлен анализ способов отображения омонимов русского языка в словарях разных типов (переводных и моноязычных), а также рассмотрены различные структуры словарных статей, которым свойственно отсутствие единства в представлении омонимов вне зависимости от типа словарей.

Ключевые слова: омонимия; полисемия; лексикография; словарная статья; контрастный анализ лексики.